

ГЛАВА 1

«СНЯТЬ ФОКУС» С СЕБЯ

Роды как день рождения

Что считать первым днем рождения человека? В нашей культуре первый раз его празднуют только через год после родов, а в возрасте одного месяца принято впервые приглашать друзей и родственников «на кашу». Между тем непосредственный момент появления ребенка на свет и есть самый главный праздник, как в его собственной жизни, так и в жизни семьи. Если это первенец, то с его появлением «супружеская пара» превращается в «родителей». Но если даже ребенок не первый — его рождение в любом случае меняет жизнь семьи. Что же касается самого Человека Рождающегося, то для него появление на свет — это праздник и стресс, радость и страдание одновременно.

Почему-то у нас принято говорить лишь об «интересном положении» женщины, о здоровье будущей

мамы — и лишь косвенно о здоровье находящегося внутри нее некоего неодушевленного предмета под названием «плод». Беспокойство беременной и ее близких вызывают в первую очередь те болезненные ощущения, которые, вероятно, она сама будет испытывать в родах. И мало кто думает о малыше.

Хотя благодаря все более совершенствующимся методам диагностики человечество уже давно получило возможность убедиться: ребенок внутри матери живет своей жизнью с самого зачатия. Оплодотворенная яйцеклетка — зигота — уже совершает волнообразные движения с помощью белковых нитей. С пятой-шестой недели беременности УЗИ позволяет отчетливо различить сердцебиение плода; к девятой неделе своего внутриутробного существования человек не более двух сантиметров в длину уже шевелит крошечными ручками и ножками...

Но, даже имея в виду все эти факты, современная медицина продолжает именовать ребенка словом «плод» — и для большинства мам и врачей он до сих пор остается чем-то непонятным и бесчувственным. Далеко не всякая мама в самый важный момент готова помнить о том, что рождение может быть столь же болезненным для ребенка, как роды — для нее самой.

К счастью, природа предусмотрела механизм, защищающий психику человека от потрясений, и в течение первого (и, как принято считать, неосознанного) периода жизни мы успеваем забыть и месяцы, проведенные в утробе, и ощущения, испытанные в родах. Мало кто из взрослых — в нормальном состоянии сознания — может достоверно вспомнить, что он ощущал, появляясь на свет.

Но вполне вероятно, что первый крик новорожденного — это не просто банальная физиологическая реакция на знакомство с воздушной средой. Первый крик вполне может быть криком боли и страха.

Знаменитый французский акушер Фредерик Лебойе во второй половине прошлого века совершил революцию во взглядах на процесс появления человека на свет. В одной из своих книг он сказал: «Рождаться на свет так же больно, как и давать жизнь. Говоря “рождение — это страдание”, Будда имел в виду не мать, а дитя»...

ИСТОРИЯ ИЗ ЖИЗНИ: «МОЙ ЖИВОТ — ЧЕМОДАН»

Одна моя знакомая, будучи человеком по натуре рациональным, не склонна была к сантиментам по поводу своей беременности. Пыл тех, кто всплескивал руками, говоря, как она прекрасна с животиком, она охлаждала фразой простой и меткой: «Беременность? Ну что с того? Я чувствую себя всего лишь чемоданом для переноски ребенка»...

В моей жизни момент, когда пришлось, что называется, «снять фокус с себя», направить его на ребенка, а себя ощутить всего лишь «чемоданом для переноски», наступил непосредственно в первых родах. К сожалению, это случилось не до беременности и даже не накануне родов. «К сожалению» — потому что к родам нужно готовиться заранее. Эту простую истину я усвоила значительно позже...

Кое-что о половом воспитании

Мало кто из нас в детстве встречал у окружающих взрослых здоровое и простое отношение к темам, связанным с рождением детей. Мамы и бабушки, учительницы и вос-

питательницы, отвечая на «скользкие» вопросы, предпочитали молча краснеть или в лучшем случае отсылать пытливых детишек к историям о тычинках и пестиках. Разве что пионервожатые позволяли себе чуть-чуть потрокровенничать. А если в школе случалось узнать, что учительница беременна и ей предстоит рожать ребенка!.. В прозрачном девчачьем мозгу тут же начинали роиться смутные мысли: а как это — рожать? Ребенок что, у нее внутри? А как он из живота выберется? Ах-ох, страсти-мордасти!

Этот огромный пробел, существовавший (да и сейчас еще во многом существующий) в нашем воспитании, очень точно позволяет почувствовать и повседневная речь. Ведь любой язык замечательно отражает массовое сознание: на всю лексику, связанную с рождением ребенка, у нас наложено негласное «табу». И затрагивает оно не только интимные отношения между мужчиной и женщиной (о том, как, «не краснея, рассказать ребенку о сексе», можно написать не одну книгу) — к большому сожалению, негласный запрет и плохо осознаваемое смущение распространяется и на все понятия, связанные с родами.

Попробуйте произнести вслух: «роды», «плацента», «схватки», «потуги»... Становится немножко не по себе, верно? А как называются те органы человека, которые причастны к зачатию и родам? В нашем богатейшем языке нет внятных слов, называющих «это»! Когда речь заходит о рождении детей, выбор средств для выражения своих мыслей у нас невелик: мы имеем дело либо с нецензурщиной, либо с сухими медицинскими терминами.

В обычной жизни говорить о рождении ребенка у нас принято двумя способами: с оттенком брезгливости или

же, наоборот, в излишне высокопарных тонах. Даже Лев Николаевич Толстой не мог не пройти по этой теме — какая жуткая сцена родов в «Анне Карениной»! А Булгаков и Чехов с их медицинскими байками и страшными смертями в родах?.. Чаще всего в литературе рождение ребенка предстает мучительным.

То же и с кинематографом; пусть даже это плохо увязывается с сюжетом картины, но редкий современный режиссер отказывает себе в удовольствии включить в художественный фильм сцену, в которой роженица душераздирающе кричит и мучается.

«Великий и могучий» язык, как чуткий сейсмограф, фиксирует отношение общества к конкретной теме. Практически всегда Человек Рождающийся оказывается в речевой практике второстепенным членом предложения.

Беременность и роды в языке и в жизни

Проанализируем слова и речевые обороты, используемые для описания процессов рождения.

Беременную женщину у нас часто называют *«будущей мамой»*. Но почему? Ведь она мама *уже сейчас* — ребенок-то есть! Но в массовом сознании установка следующая: раз ребенка не видно, это значит, что его нет. Он вот-вот *появится на свет*, но сейчас-то ребенок где? Видимо, пока еще *на том свете*...

Обычно говорят: *«женщина ждет ребенка»*. (Красивенько звучит также фраза *«в ожидании чуда»* или возвышенные пассажи о *«счастливом ожидании»*). Но

почему — в *ожидании*? Неужели то, что происходит в ее теле сейчас (слияние двух клеток, рост организма, развитие органов и систем, попытки ребенка установить контакт с внешним миром через стенки маминого живота...) — разве это уже не чудо зарождения новой Жизни? И можно ли ожидать большего чуда, чем это?

Ну а сам ребенок — как его называют? Зародыш. Эмбрион. На поздних стадиях — плод. Но в языке это все — *неодушевленные* предметы! Действительно (если рассуждать на медицинский манер), мало ли что может случиться! Вероятен риск развития патологий, преждевременных родов и самопроизвольных аборт... Да, *плод* для медицины — не человек. Вот пусть сначала родится, тогда и начнут называть его «новорожденный», «младенец» и даже, умиляясь, «малыш».

Тому, как у нас принято говорить о самом процессе родов, можно посвятить отдельную главу — какое многообразие безличных оборотов, какое красноречие сухой медицинской лексики! Взять хотя бы потужной период — в литературе он называется *периодом изгнания плода*. Прочувствуйте: *не мама помогает своему ребенку родиться*, нет! Мама *изгоняет* все тот же безликий *плод*. А между тем *изгоняют* также глистов и прочих паразитов.

Само слово *потуги* (*тужиться*) произошло от одного корня со словом *туго* (в значении тяжело, непросто, нелегко), и, конечно, так и просится сюда слово *тужить* (в значении горевать, печалиться). То есть, ожидая родов, женщина волей-неволей готовится к тяжкому испытанию. Ей придется туго. Тут уж не до ожидания чуда и праздника...

О медицинских документах нечего и говорить! До недавнего времени сама беременность в картах заносилась

в графу «диагноз». Но неужели мы *лечим* женщин *от* беременности? Речь должна идти только о *родовспоможении*, то есть о *помощи*, которую необходимо оказать естественному процессу *родов*. Обратите внимание на этот возвратный глагол — действие, направленное на себя: ребенок *рождается* (рождает-ся = рождает сам себя)! Его не вырезают, как аппендицит. Настроившись на позитивный исход, хорошо подготовившись к родам, научившись слушать себя и ребенка, любая здоровая беременная женщина (я просто уверена в этом!) сможет родить самостоятельно и естественно.

Впрочем, хватит прикладной филологии. Достаточно набрать в любой поисковой системе слова «беременность» или «роды» — и Интернет выдаст множество статей о здоровье *мамы*, о ее чувствах, о необходимых анализах и покупках... В связи с беременностью и родами можно прочесть и о чувствах и заботах будущего *папы* — прочесть даже больше, чем о чувствах *ребенка*, которого ему предстоит встречать в этом мире...

Советская семья, детский сад и школа учили девочек быть кем угодно — хозяйкой, поварихой, швеей-мотористкой и даже женой (об этом иногда вскользь упоминалось в рамках предмета «этика и психология семейной жизни»). Но вот уж к чему нас точно не готовили — так это становиться Матерью. Не функционировать, выполняя эти обязанности *внешне*, — пеленать, кормить, катать колясочку, читать малышу сказки и петь песенки... А *становиться* Матерью прочувствованно — зачинать ребенка, вынашивать его и рожать в любви. Материнство и любовь между мужчиной и женщиной до сих пор, к сожалению, не увязаны между собой в воспитательном контексте...